

Рождественская звезда

Марти учил рождественское стихотворение для Деда Мороза. Шестилетний Карло сидел около окна и смотрел на небо.

— Марти, а где Рождественская звезда? — спросил он. — Я её не вижу на небе.

— Не сбивай меня, я же учу стихи! Скоро придёт Дед Мороз! Не мешай, — сердито сказал Марти.

— Никто не покажет, где Рождественская звезда! — захныкал Карло. — Всем некогда, папе некогда, маме некогда. А я так хочу увидеть Рождественскую звезду!

— Марти, иди сюда укачивать братика! — крикнула старшая сестра Анна из детской. — Я помогаю маме на кухне.

Карло остался в спальне один. Он продолжал смотреть на небо и искать Рождественскую звезду, он был упорный мальчик, и если что ему пришло в голову, то он это непременно должен выполнить.

Вдруг он вздрогнул. Вроде за деревьями что-то сверкало. Точно, там сиял яркий свет. Казалось, что он светит только для Карло.

— Рождественская звезда! — воскликнул Карло, и его сердечко радостно забилось. — Да, это Рождественская звезда, она спустилась к людям. Я должен увидеть такое чудо.

Не раздумывая больше, он побежал к двери, схватил шапку и пальто и выбежал на улицу. Мороз трещал, к счастью, в карманах зимнего пальто были варенки.

Яркий свет блестел в сосновом лесочке по другую сторону дороги.

— Тут идти совсем близко, — успокоил он свой внутренний голос, укоряющий его, что он без спросу убежал из дому.

Но когда он добрался до леса, оказалось, что свет был совсем не так близко, как казалось вначале. Теперь сияние было за лесом.

Карло решил вернуться, он никогда не забирался один в такую даль. Но звезда блестела так заманчиво и призывно.

«Я только подойду поближе и посмотрю на звезду, — подумал мальчик. — Я хочу посмотреть, как она спускается к людям и превращается в Младенца Иисуса. Вот только посмотрю и пойду домой».

И он побежал изо всех сил. На повороте у самого ельника он остановился. Звезды не было видно, она пропала, исчезла. Вместо неё был виден огонёк из старого дома.

Карло бежал так быстро и так далеко! А когда звезда исчезла, он понял, что силы его покинули. Он сел на подгнившие ступени старого дома, и нижняя губа у него предательски задрожала. Тут он вспомнил, что в Сочельник ему уже исполнилось шесть лет, он мужественно сглотнул подступающие слёзы — таким большим мужчинам плакать не пристало.

Он загрустил, но вдруг понял, что звезда могла упасть в дом. На улице такой мороз — конечно, звезда внутри, там, где теплее.

Всё так и должно быть, и Карло встал и постучал в дверь — тук-тук!

Никто не отозвался. Он постучал снова, теперь он был абсолютно уверен, что Рождественская звезда внутри, иначе маленький Иисус просто замёрз бы на улице. Он помнил, что, когда его брат появился на свет, на нём ничего не было, кроме короткой рубашки.

Это был старый, обветшалый дом, мышиное гнездо. Много лет он просто пустовал, но около года тому назад там появился жилец, старый одинокий господин. В деревне его называли магистром, потом, когда лучше узнали его странности, — чудаковатым магистром

из Мянтюля. Он был высоким, худым, рассеянным и с крючковатым носом. Он сам себе готовил незатейливую еду, сам топил печь и убирался в доме. Раз в месяц к нему приходила женщина из деревни мыть полы и стирать скудную одежду. От неё вся деревня знала, что магистр беден как церковная мышь, а рассеянный настолько, что вместо часов он смотрел на градусник. Его одежда была изношена и потёрта. Он был робкий и неуклюжий, появлялся только в лавке, пекарне и на почте, где забирал газеты. Если кто-то пытался с ним заговорить, то магистр лишь приподнимал свою шапку, невразумительно бормотал и быстро удалялся. Единственным его развлечением было сидеть за книгами и бумагами.

За ними он сидел и сейчас, в Рождественский сочельник! На столе, на стульях и на полу лежали толстые книги, пачки пожелтевших рукописей, вперемешку старые газеты и журналы. Щёки магистра были впалыми, он с трудом держал ручку в замёрзших руках и время от времени отогревал дыханием окоченевшие пальцы. Несмотря на всё это, он что-то быстро строчил на бумаге, страница за страницей рождалось произведение, которому было суждено лечь в ящик стола, где уже было похоронено несколько старых незавершённых рукописей. Магистр не успевал закончить одну рукопись, как уже начинал другую.

— Надо надеть пальто, а то холодно, — пробормотал он.

Он с грустью посмотрел на дровяную корзину. Там оставалось только четыре трухлявых сосновых полена — весь его дровяной запас. С этим запасом ему надо было пережить праздники.

— Ну что ж, спартанские юноши ходили босиком по снегу и так закаляли тело, — философски успокоил он сам себя.

Но холод пронизывал худое тело, и магистр поднялся взять пальто. Тогда же послышался слабый стук в дверь.

«Наверное, ветер», — подумал он и надел пальто. Стук не прекращался.

«Наверное, всё же кто-то пришёл в гости помочь милостынею бедному магистру», — подумал он, и его лицо стало совсем печальным. Магистр был так же горд, как и беден.

Он взял фонарь и открыл дверь.

— Кто там?

— Я.

— Кто это «я»?

— Карло, — ответил дрожащий голос.

Карло вошёл следом за магистром в прокуренную комнату.

Карло испуганно озирался.

— Итак, мальчик, что же тебя сюда привело? — спросил недоумённо магистр.

— А где Рождественская звезда? — осторожно спросил Карло. Он уже больше ни в чём не был уверен.

— Какая звезда? Мальчик, что ты такое придумал? — промолвил магистр.

Слёзы снова подступили к горлу Карло, но он попытался сглотнуть их — так всегда делал Марти, когда ему было до слёз обидно.

— Я видел Рождественскую звезду, она сияла здесь, вот я сюда и пришёл. Но потом она пропала, и я подумал, что она упала к тебе в дом.

— Примечательно, очень примечательно, — проворчал магистр.

Он смотрел на мальчика, покачивая головой. Когда-то он и сам был таким же пострелёнком, но это было давным-давно, и в последний раз он разговаривал с детьми несколько десятков лет тому назад.

— Примечательно, — снова повторил магистр.

Но тут мужество покинуло мальчика. Его пугала мрачная комната, странный худой старик и зловещее завывание ветра в обветшалом доме. Он сел на толстый словарь посередине комнаты и расплакался.

Старый магистр растерялся. Что ему делать с этим странным ребёнком, который плачет так жалобно и льёт слезы на дорогие его сердцу рукописи?

